

Лаврухина

Что есть эрадика?

ПОИСКИ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ

А. Лаврухина

12.760

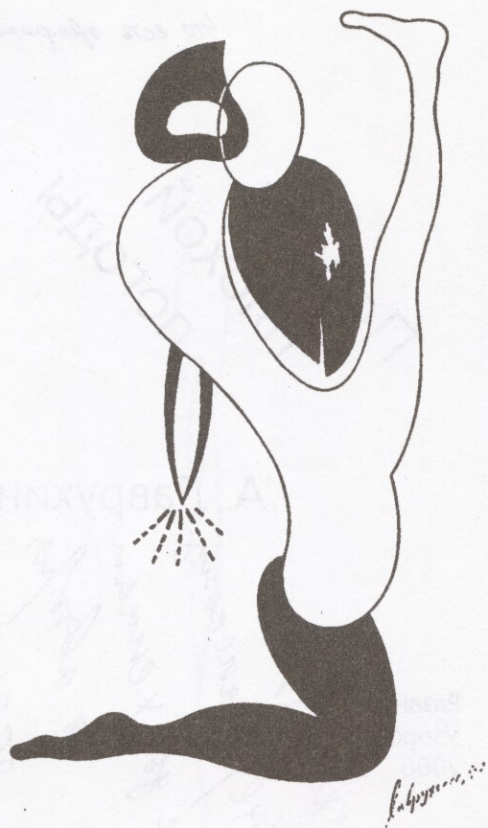
Что есть графика?

Поиски плохой погоды

А. Лаврухина

Рязань
Узорочье
2000

Александр
Очерняскому
с уважением
от автора
27.04.2001
А. Лаврухина

Что есть графика?

Об этом можно говорить долго и ладно, да написать ... нужна ручка или карандаш, или что-нибудь такое.

А если пробежаться глазами по строчкам уже написанного (но не напечатанного) — это и есть графика.

И не надо слов — этих здесь лишних...

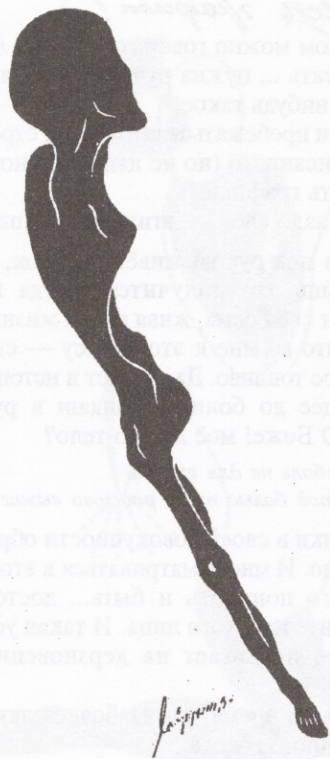
Когда под рукою живёт рисунок, когда не знаешь что получится, когда линия называет себя сама, живя своей жизнью, то всё — что во мне к этому часу — сгорает как некое топливо. Да, бывает и истощение, доводящее до боли: карандаш в руке, а тело... О Боже! моё ли это тело?

... боль не для врачей.

Этой болью пути рабства выжигаю.

Рисунки в своей совокупности обретают своё лицо. И мне всматриваться в это лицо, уметь его понимать и быть... достойным представителем этого лица. И такая устремлённость подвигает на дерзновения без удержу.

Но было время, когда боялся звучания собственного голоса...

Лицо графики как для актёра театра сценический образ. Разница в том, что играешь всегда в первый и единственный раз.

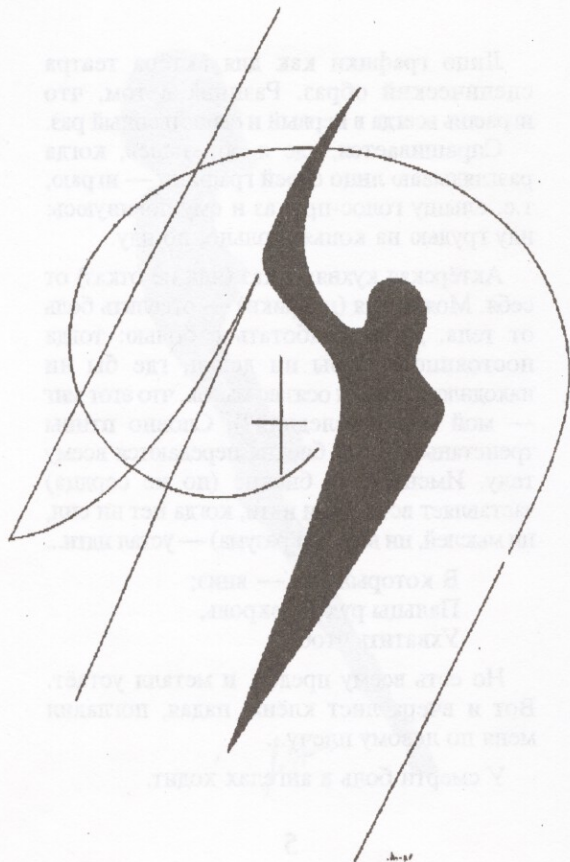
Спрашивается, где я обретаюсь, когда разглядываю лицо своей графики — играю, т.е. слышу голос-приказ и ему повинуюсь: иду грудью на копыя; больно, но иду.

Актёрская кухня: отказ (или не отказ) от себя. Моя кухня (графики) — отделить боль от тела. Далее. Работать с болью: тогда постоянно что бы ни делал, где бы ни находился, руками осязаю мысль, что этот миг — мой миг (последний?). Словно птицы трепетанье — эти биения передаются всему телу. Именно это биение (но не сердца) заставляет вставать и идти, когда нет ни сил, ни мыслей, ни воли (от разума) — устал идти...

В который раз — вниз;
Пальцы рук — в кровь,
Ухватить чтоб...

Но есть всему предел, и металл устаёт.
Вот и вчера лист клёна, падая, погладил
меня по левому плечу...

У смерти боль в ангелах ходит.

Вот и сентябрь подмял ноги...

Я знаю, что я могу делать волшебство. Я
это говорю то ли от усталости
[у] стали

стужены

нервы,

то ли от уверенности своего пути — мои
рисунки нужны людям.

Но во след произнесённому хочется и
отчаянно плакать и долго-долго летать
детским голосом себе под нос: «Я не
волшебник, я только учусь».

Вот и сентябрь уже подмял ноги...

Передо мной лист белой бумаги. Через
мгновение [моргнуть оком и...]: на ней, этой
белизне, всплывут чёрные пятна. Куда же
вы, гуси-лебеди, поплывёте? Да, да, я уже
не в силах удержать подле себя эти

стаи

стали

подниматься.

Они сделали последний взмах
своих бумажных крыльев,
покружив недолго над родимым
в своей жизни; и с осенним
курлыканьем исчезли в свинце
низкого неба.

Да, я волшебник, потому что могу дарить
людям праздник... [кому успею].

Вот и сентябрь уже подмял ноги...

Просыпаюсь. Смотрю на часы: около сорока ... [мне] в который раз снится одно — я что-то не доучился...

Так и встречаю завершение второго тысячелетия [моего?], [д] терзаем снедью недопонятых уроков.

— Вон, по дороге, малыш прыгает, впереди своей мамы.

— В глазах помутнело.

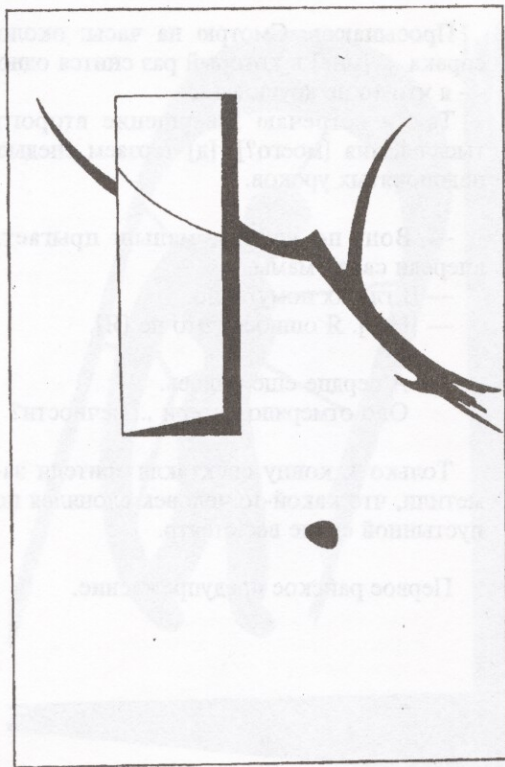
— [Нет]. Я ошибся. Это не [Я].

А сердце ещё билось.

Оно отмеряло потери ... вечности?

Только к концу спектакля зрители заметили, что какой-то человек слонялся по пустынной сцене весь театр.

Первое райское предупреждение.

С каждым днём дрожание увядающей
листвы становилось всё меньше — ветер
срывал с деревьев последние отголоски
летнего тепла.

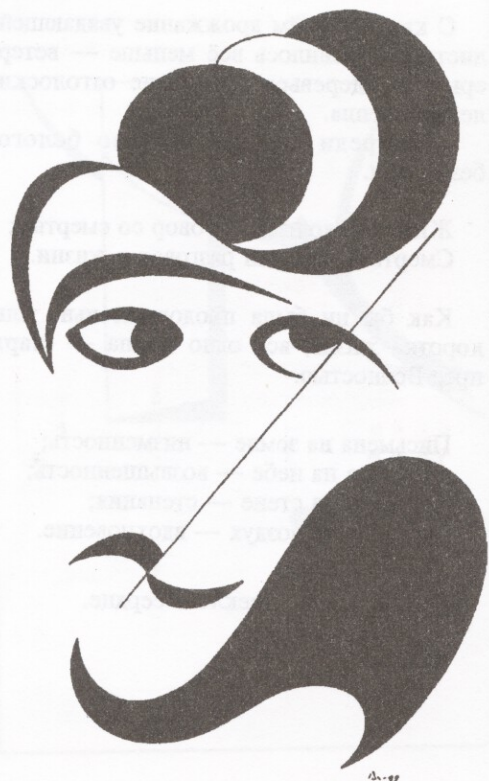
А впереди лежало царство белого
безмолвия.

Жизнь — долгий разговор со смертью;
Смерть — скорый разговор о жизни.

Как бы ни была продолжительна иль
коротка жизнь, всё одно о(д)на — старт
пред Вечностью.

Письмена на земле — низменность;
письмена на небе — возвышенность;
письмена на стене — стенания;
письмена на воздух — вдохновение.

В который раз осеклось сердце.

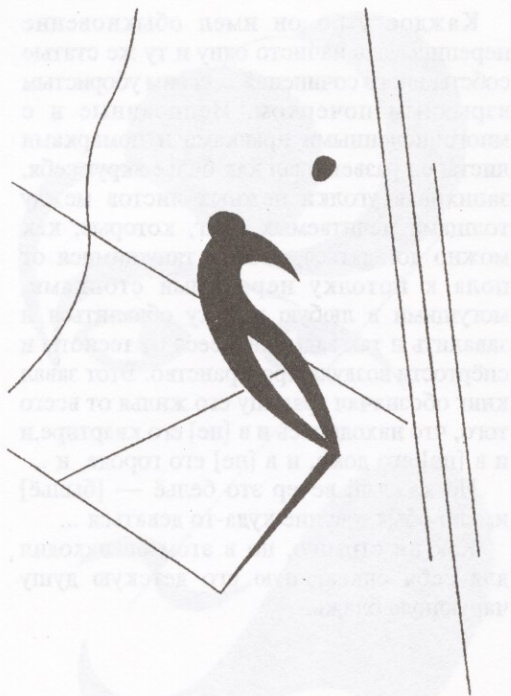

Ан. 89

Каждое утро он имел обыкновение переписывать начисто одну и ту же статью собственного сочинения ... своим убористым взрывным почерком. Исписанные и с многочисленными правками и пометками листы он развешивал как бельё вокруг себя, запихивая уголки нежных листов между толщами нечитаемых книг, которые, как можно догадаться, стояли тянущимися от пола к потолку неровными стопками, могущими в любую минуту обвалиться и завалить и так задышающееся от тесноты и спёртости воздуха пространство. Этот завал книг обозначал границу его жилья от всего того, что находилось и в [не] его квартире, и в [не] его дома, и в [не] его городе, и ...

Но каждый вечер это бельё — [быльё] имело обыкновение куда-то деваться ...

Как ни странно, но в этом он находил для себя спасающую его детскую душу чарующую блажь.

Стою, ни куда не летящий;
Тобою, земля, дышащий.

Он видел, как дышат трещины.
Он следил за их жизнью.

Настало время знать,
По какой дороге бежать,
Чтобы ночь лететь.

[22.10.2000 г.]

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Л13

Лаврухин А.Н.

Л13 Поиски плохой погоды. Графика и тексты. —

Рязань: «Узорочье», 2000. — 16 с.

ISBN 5-85057-294-5

ISBN 5-85057- 294-5 ББК 84 (2 Рос=Рус)6

© Лаврухина А.Н., тексты и иллюстрации, 2000

Технический редактор Л.О. Осемян.

Корректор Е.В. Широкова.

Сдано в набор 18.08.2000.

Подписано к печати 15.09.2000.

Формат 60х90/32. Бумага офсетная.

Гарнитура типа «Таймс».

Печ.л. 1. Тираж 100 экз.

Заказ № 91

Издательство «Узорочье»

Рязанской писательской организации

390000, г. Рязань, ул. Ленина, 35.

Лицензия ЛР № 070215 от 16.12.96.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО фирма «ИНТЕРМЕТА»

г. Рязань, ул. Каляева, д. 5.

